

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>
Название: Стенограммы допросов. Часть 1

Обработка и перевод Марка Десадова

От переводчика:

Уважаемые читатели! Думаю, что вы знакомы с некоторыми моими переводами с английского. Но мне захотелось сменить тематику и для разнообразия переключиться с English на Deutsch (правда, если English мне попадался в основном литературный, то Deutsch ей тут оказалось много: канцелярско-бюрократический - самый кошмар, одно слово чуть не на полстраницытянется, медицинский, простонародный, диалекты всякие... бррр) . Но сначала немного истории.

После осуждения нацистских главарей на Нюрнбергском процессе в различных городах Германии прошли суды над менее значимыми преступниками. Эти суды получили общее название "Малый Нюрнберг". Один из процессов на "Малом Нюрнберге" - над персоналом женского концентрационного лагеря "Равенсбрюк". Лагерь этот находился около города Фюрстенберга, открыт в 1938 году, прекратил существование 25-30 апреля 1945-го. Первоначально планировалось размещать в нем примерно 6 тысяч заключенных женщин, но лагерь рос и к моменту освобождения там было уже 36 тысяч. Всего через лагерь прошло 132 тысячи заключенных, из них более 900 детей. Непосредственно в Равенсбрюке уничтожено 93 тысячи женщин из разных стран.

Так вот, недавно ко мне попала громадная куча документов (вероятно, больше 100 МБ, если перевести в DOS кий txt) следствия над младшим персоналом этого лагеря. Офицеры почему-то по другому процессу проходили, во всяком случае, их допросы ко мне не попали, даже в описи документов этих материалов не было. Но и без этого вполне хватало, тем более еще прилагались протоколы допросов лиц, имеющих лишь косвенное отношение к лагерю, два из них привел (допросы Жана Дюфле и Ганса Найтера - фигуранты 5 и 7) .

Все эти документы я разобрал, проштудировал и сделал выборку (естественно, в духе своего псевдонима) из семи самых разговорчивых допрашиваемых (большинство остальных почти ничего не говорили, только "Да", "Нет", "Не знаю", "Так точно", "Никак нет", "Не видел"). Не считая выборки, в эти 7 протоколов внесены следующие изменения: снята перегруженность текста не относящимися к делу цифрами, фамилиями, датами; некоторые данные по осмотру территории лагеря, его рабочей документации, перенесены в стенограммы; в них добавлены отдельные выдержки из допросов других лиц. Что уж совсем непонятно было, а выбросить никак не получалось, по словарям и справочникам уточнял. Ну и, конечно, все очень сильно сократил, убрал большинство повторов, связки между лакунами сделал. Само собой - литературная обработка.

И последнее. Читать рекомендую по частям, не более одного допроса в день, иначе все смешается. Впрочем, это уже по вашему желанию.

Итак...

Опись 4689439/960-g
Архив RAV140934

Штамп 1: Материалы не подлежат открытой публикации до 07 октября 1996, ввиду возможного ущерба общественной нравственности. Дата: 07 октября 1946г.

Штамп 2: Разрешен ограниченный доступ. Дата: 08 октября 1996г.

Первый фигурант
(первый допрос)

Дело L-8.

Выписки из томов 1, 4, 5 (использованы выдержки из дел: А-11 D-11, V-1)

Следователь: Ваше имя, дата рождения, звание?

Допрашиваемый: Фриц Линндер, 6 сентября 1923 года, рядовой.

С.: Вы служили в концентрационном лагере "Равенсбрюк"?

Д.: Так точно. Мобилизован в 1941 году. Военно-учетная специальность - механик-электрик.

После ускоренных двухнедельных стрелковых курсов направлен в роту охраны лагеря "Равенсбрюк". Арестован в апреле 1945 года после взятия лагеря.

С.: Это ваше первое место службы?

Д.: Так точно. Первое и последнее.

С.: После окончания курсов вы знали, куда вас отправляют?

Д.: Никак нет. Я ожидал, что на фронт, и был поражен, когда оказался в таком месте.

С.: Что же вас поразило?

Д.: Понимаете, мне же тогда еще 18-ти не было. Так что насчет бабья почти ещеникакого понятия. Разве что парни знакомые своими победами хвастались. Врали в основном. А в лагере поразило количество бабья. Нет, не то. Обращение с ними.

С.: Конкретней.

Д.: Ну, например, то, что с их одеждой связано. Даже не тех, которые прислуживали господам офицерам, их личных рабынь. Обычного бабья.

С.: И что именно?

Д.: Ну, на них же, понимаете, обычно серый балахон из толстой ткани был, с треугольниками [на левой стороне груди и правом колене к одежде заключенных пришивался треугольник, цвет которого указывал на причину ареста - пер.]. Так вот, еще на первом инструктаже нам сказали, что под балахоном бабье не имеет права ничего носить.

Даже панталоны. И мы должны за этим следить. Но ведь через балахон не видно, есть там у нее что-нибудь или нет. Поэтому нам приказали, если заподозришь, что что-то там одето, то к ней подходить и вот так "делает жест пальцем" ей показывать. Понимаете? А бабье уже знало, что тогда надо балахон к шее задрать и показать, что под ним ничего нет. Ни панталон там, ни на буферах чего вроде лифчика. Или самому ей балахон задрать, можно спереди, можно сзади. Некоторые из наших парней любили именно сами задирать. И медленно, чтобы постепенно ее оголять. Сначала ноги, потом что под животом, и только потом, совсем по чуть-чуть, сиськи.

Так вот, понимаете, меня сразу и поразило, что это бабье совсем нас не стесняется. Заголиться всегда готово. Никакого понятия о стыде нет. Даже не краснеют, лицо не отворачивают. Прямо на нас подбострастно смотрят. Видно, привыкли. Поначалу все парни, да и я,

конечно, просто балдели, что можно к любой подойти, и вот так, запросто, ей балахон до самого верха задрать.

Понимаете, смотреть сколько угодно можно, и щупать где угодно. Хоть буфера, хоть между ногами всей рукой залезать. Или в сторонку отвести и что хочешь с ней делать. Если арийка, то ничего не запрещалось. Вставляли тоже можно было, понимаете? А среди них ведь и молодые были, и красивые, и совсем молоденькие цыплятки. Таких, конечно, больше всего и заголяли... какая радость на старухусмотреть...

А еще мы должны были следить, чтобы бабье спереди не подшивало балахон. Это раньше иногда они делали, если у кого буфера большие. Чтоб они не болтались. Понимаете, если подшивали, это считалось порчей казенного имущества. Тогда мы должны были ножом ей из балахона спереди большой кусок вырезать. Это уже порчей не считалось, конечно. И чтобы не только оба буфера голышом на улицу торчало, но даже пузо немного. А потом надо было веревку ей на каждую сиську намотать и крепко перетянуть. Пока она кровью не нальется, а сосок багровым не станет. Это легко было делать, буфера-то у такого бабья большие и отвислые были. А как обмотаешь, то сразу твердые становятся и вперед торчат.

Потом сиськи надо было между собой связать, чтобы они больше не болтались. А она сама не имела права веревку развязать или ослабить. За это сразу в газовую камеру. Понимаете, балахон-то у нее уже с вырезом. Сразу видно, что веревки почему-то нет, или как следует не натянута. Через день - другой только, когда буфера уже совсем синие становились и холодные, она могла обратиться к начальнику караула. Тот ей еще наказание назначал, порку там, или в медицинский блок, или еще чего. А потом тогда распорядился выдать новый балахон. Поэтому само бабье редко одежду подшивало, боялось.

А некоторые из охраны, если кто из заключенных приглянется или, наоборот, косо посмотрит, то и без причины буфера заголяли и перетягивали. Даже когда с балахоном все в порядке. Она ведь не побежит жаловаться. Но я так никогда, понимаете, не делал.

С.: А если месячные у женщин? Тоже ничего одевать, или хоть подвязывать вниз не могли?

Д.: Так у обычного бабья их и не было. Понимаете, они от переживаний еще по дороге в лагерь прекращались. Если и были у кого. Это ж вам не вольное бабье, а заключенное. И кормежка не та, и обращение тоже...

С.: Понятно... Так вы были поражены именно издевательствами, связанными с одеждой?

Д.: Понимаете, ну что вы все "поражен", "поражен". Сначала, как в лагерь попал, забалдел, конечно. Потом привык. А так... наказания всякие были... в бараках, понимаете, творилось всякое, не только тесно там было...

С.: Давайте по порядку. Какие наказания вы наблюдали?

Д.: Ну там всякий мордобой или даже плеткой между ног не в счет, это понятно. А много наказаний было таких, понимаете, что не просто заключенных наказывали, а именно бабье.

С.: Что вы имеете в виду?

Д.: Ну вот, понимаете, у входа в нашу казарму столб стоял. Видели, должно быть. А к стенке крючья прибиты. И в столовой нашей тоже крючья. Так если кто из курочек провинилась, то ее голышом привязывали. Если симпатичная, конечно.

Иногда просто так привязывали. Иногда вниз головой с раздвинутыми ногами - чтобы лучше видно было. Из охраны кто проходит, ее или по буферам потреплет, или за волосы между ногами дернет. Но так - только с теми, кто недавно в лагере, кто еще стесняется. Понимаете, как кто подходит, то таким цыпкам стыдно было. Краснели, голову в сторону отводили. Глаза

закрывали. Прикрыться, конечно, хотели, но связаны же были.

А вот кто подольше, то им голышом перед мужчинами показаться уж ничего не стоило.

Поэтому с ними по-другому. Их так подвязывали, что ноги около ушей были. А все женское хозяйство раздвинуто и вперед торчало. И что-нибудь туда засовывали. Огурец там для смеху, или палку какую. Кто мимо проходил, то таким не сиськи щупал, понимаете, а этой палкой в ней ворошил. То из стороны в сторону покачает, то задвинет до упора и еще дальше толкнет, чтоб заорала.

Такое бесстыжее бабье только так и пронять можно было. Особенно если у парня время есть, и он с ней подольше позанимается. Клитор еще пощиплет, например, а она от этого уже кончать станет. Сразу и кончает, и стесняется этого. Хрипит даже от балдежа и стыдно ей... Только я так не делал. Я по отношению к бабью всегда только приказы выполнял, понимаете, а от себя ничего. Им ведь и так в лагере плохо приходилось.

С.: Предположим, что это правда... А насчет барачников что?

Д.: Тут один случай могу рассказать, как я впервые увидел, что в бараках творится.

Понимаете, до этого туда не заходил. На второй неделе службы это было, вроде. Приехала в лагерь инспекция, не знаю, по какой линии. Трое: главный - штандартенфюрер, как наш Дед [прозвище начальника лагеря штандартенфюрера Клауса, производное от Святого Клауса - пер.], полковник и штатский какой-то. Уже пожилые, лет по 40-50, солидные такие... Начальство вокруг них так увивалось, что просто из мундиров вылезало. Даже Дед, понимаете, увивался. А он всегда такой надменный был, просто так не подойти к нему.

Они по лагерю немного уже походили, посмотрели там чего. А я в это время мимо прохожу, меня и подозвали. Из разговоров слышу, что хотели было им показать, как принимают заключенных. Но в этот день, как назло, никаких новых поступлений. Так что велели мне показать, как бабье выдрессировано. Тут мимо, вижу, группа француженок с черными треугольниками идет [черный треугольник указывал на арест по причине неблагонадежности, у французов, дополнительно - нашивка "F" - пер.].

Во главе - капо, хлыстиком помахивает [капо - старшина барака, назначалась из заключенных, имела привилегии - пер.]. А я же, понимаете, тогда в лагере недолго еще был. Так что не знал - получится, не получится. Думаю, постараться надо. Затем узнал, что правильно думал так. Дед тогда еще заперевживал, что я новенький. И если бы не получилось - меня на фронт сразу же. А так - первую благодарность потом получил.

Так вот, бабье я остановил, хлыст у капо отобрал. Быстренько десяток самых молодых курочек - в сторону. Остальных отпустил. Поставил я своих цыпок в линеечку, лицом к комиссии. Ровненько, надо сказать, встали. И велел рассчитаться на "первый - второй";. Потом нечетным вот так показал "делает жест пальцем правой руки";, а четным - вот так "тот же жест и, дополнительно, горизонтальное движение левой рукой";. Сразу, понимаете, послушались. Нечетные балахон к шее задрали, а четные - до пояса только. Потом велел им шаг вперед сделать и уже всем заголиться.

Сразу видно стало, что отобрал я их хорошо. Буфера у всех, как налитые, соски упруго в стороны торчат. Между ногами треугольнички ровненькие и разноцветные.

В основном темные треугольнички, но 3-4 светлые, а один рыжий. Это как раз, понимаете, полковник засмеялся, что цвета разные, как на подбор. Животики поджарые, ни грамма лишнего жира, ни обвислости какой. Стоят по-прежнему ровно, по струнке прямо. Ну я для порядку парочку по сиськам потрепал, у одной сосок в сторону оттянул. Но никто даже не

шелохнулся, стоят по стойке «смирно» и просто едят меня глазами. Так что придраться не к чему. Вижу, Дед улыбается, доволен, как я с ними управляюсь.

Подождал я, когда инспекторы на них насмотрятся, им ведь в новинку. Потом бабью своему «кругом» скомандовал, нагнуться пониже и ноги расставить велел. Вид красивый, понимаете, получился. Ножки у всех стройные, задницы молодые, гладкие. Под ними волосы видно и розовое нутро чуть проглядывает. Вижу, от зрелища голых курочек, да в раскоряку, у инспекторов глаза загорелись. И начальство на меня одобрительно поглядывает. Думаю, надо еще что-нибудь показать.

Решил тут хлыстом воспользоваться, что у капо отобрал. Так что офицерам говорю, что заключенные обычно грязные. Их чистить надо, да и воспитывать тоже. Мол, разрешите приступить. Штандартенфюрер - инспектор удивленно брови приподнял, но кивнул.

Я тогда велел бабью еще ниже нагнуться и руками ягодицы пошире развести. Чтобобе дырки напоказ. Потом к этому инспектору обратился, с какой начать. Тот как раз рыжеволосую, на которую я внимание обратил, и выбрал. Для начала я хлыстом этим ее пару раз по розовому нутру огрел. Она вздрогнула, но даже не пикнула.

Тогда я в женское отверстие его засадил. И сильно так, до упора, туда-сюда двигать стал. Вначале она еще дергалась, а потом, видно, проняло. Навстречу подмахивать, понимаете, стала. И спина покраснела. Чувствую, забалдела. Ну, думаю, если сейчас еще кончать станет и закричит, влетит мне за плохую дрессировку. Так что кнут оттуда вытащил, в верхнюю дырку запихнул и там ковырять им стал. А офицерам объяснил, что этим грязным заключенным обе дырки надо чистить.

Но тут нарушение дисциплины произошло. Хоть кнут и был уже смазан ее жидкостью, но в заднице все-таки ей больно стало и она в сторону отскочила. Почему отскочила, мы сразу увидели. Понимаете, верхнее отверстие раскрылось совсем и из него кровь чуть сочилась. Нижнее, правда, тоже уже как следует разворочено было.

Губы покраснели, отвисли, а с них капельки падали. «Нет, - говорю ей, - еще рано. Давай-ка на место и задницу как следует раздвинь». А она: «Не понимаю». Но как хлыстом ее саданул, сразу поняла, послушалась. Так, раком, как до этого стояла, ко мне и подошла. Ну, кнут-то я еще дальше, до самой ручки задвинул, конечно. И вращать там даже стал. Но сам думаю, что сейчас выговор получу.

Однако по-другому получилось. Дед заметил еще раньше, чем я, что все инспекторы уже слюни пускают. И брюки у них горбom. Так что эту сцену закончили. Я-то думал и других заключенных кнутом этим почистить. А, может, и в сторонку самых симпатичных отвести. Это, чтоб офицеры чужие с ними позабавились. Но начальство инспекцию в украинский барак повело. Вот тогда я в первый раз барак изнутри и увидел. Думал, там душно, воняет, но ничего подобного. Потом узнал, понимаете, что совсем не всегда так. Просто к нашему приходу готовились. Полдня никого там не было, двери нараспашку. А бабье только что загнали.

Так вот, понимаете, барак был рассчитан на 800-900 заключенных, а было их раза в четыре больше. Лежали они поэтому на нарах внахлест. На спине с раскинутыми ногами. И голова каждой на животе у другой была. Подальше, в глубине, они, может быть, и одеты были. Но те, что у нас перед глазами - совсем голые. Капо их, видно, отобрала и в порядок привела. Те курочки, что вдоль прохода - только совсем молодые и красивые были. Куда лучше, чем те, которых я на плацу показывал. Да это и понятно, выбор ведь в бараке поболее моего был. Но,

мало того. Все причесаны как-то затейливо, губы намазаны, глаза подведены. Как всеэто само собой устроилось - тогда не понял. Потом узнал, что начальство в таких случаях руку прикладывает.

Как осмотрелась, то капо говорит инспекторам, что, мол, девочки у нас очень любят, когда им груди сжимают. Чем сильнее, тем лучше, говорит. Врала, конечно, понимаете? И вообще это, мол, очень полезно для поддержания дисциплины. «Правда?» - это она к ним обращается. А те хором: «Так точно!».

Так что выдрессировала она их тоже неплохо. Но инспекторы на это предложение как-то вяло посмотрели. Только немножко их буфера пощупали, похлопали по ним.

Да еще за несколько сосков подергали.

Тогда капо командует: «Покажись!». И тут все цыпки разом на спине поперек наповорачиваются к нам ногами. А потом дружно подхватывают их под коленками и наверх задирают. Так что женское хозяйство до конца раскрыто. Но лежат при этом так, что и сиськи тоже видны. А лицами на нас смотрят - им головы из соседнего ряда поддерживают. И не стесняются совсем. Понимаете, не краснеют, глаза не отводят. Сами ноги держат, хоть все их розовые женские причиндалы наружу торчат. Дырка в заднице тоже хорошо видна.

Тут я обратил внимание, что где-то у половины курочек вокруг живота розовая ленточка завязана. Раньше, понимаете, такого не видел. Это только внутри барачков делалось. И не только я, штатский тоже на капо брови приподнял. Она тогда поясняет: «Девственницы так помечены, чтоб не перепутать». Потом к ближайшей нагибается и причиндалы ей еще шире разводит: «Вот, убедитесь сами, настоящая целочка. И только три маленькие дырочки - рукоблудием тоже не занималась».

Тут инспекторы уже не выдержали, наклонились получше рассмотреть. Капо сразу опять: «Целки предъявить!». Цыплятки эти, с розовыми ленточками, задницы еще выше поднимают. Пальцами хозяйство свое разводят и щелку изо всех сил расширяют. Головы у них по-прежнему приподняты и на нас, понимаете, без смущения всякого смотрят. Главный инспектор, штандартенфюрер, тогда остальным пример подал. Пальцы в одну курочку засунул и трогать там ее стал. Остальные - за ним, только с другим бабьем. Еще бы, понимаете, каждому без привычки интересно в раскрытые причиндалы девственницы посмотреть, поковырять там. Это я уже, хоть и недавно в лагере, а насмотрелся. Так что мне не в прикол, а инспектора балдеть начали. Ну а мне, понимаете, интересней даже на офицеров этих смотреть, а не на бабье раскоряченное.

А капо тут начала показывать, кого она приготовила. Вот, говорит, обратите внимание, какая эта молоденькая - волосики между ногами только-только расти начали. Пока еще совсем маленькие и редкие, но уже темные. А вот у этой щель такая высокая, что чуть в живот не упирается. До нее, говорит, я вообще никогда такого не видела. Я тут, помню, не выдержал, посмотрел. Действительно высокий разрез, хоть до пуза все-таки далеко. А у этой, продолжает капо, хотьона и девственна, клитор очень большой вырос. Не побрезгуйте, мол, потрогать. Увидите, как она от этого кончать станет. Она вообще возбудимая. Клитор у этой цыпки действительно, чуть не полтора сантиметра был. Из венчика очень заметновылезал. По мне, вообще-то, понимаете, и ничего особенного. Хоть редко, но встречаются такие. Я в лагере уже видел это, ребята из охраны специально показывали. А возбудимая на самом деле оказалась. Штандартенфюрер - инспектор только чуть этот клитор покачал - та уже нервно задышала и лицо покраснело.

Но не только у нее покраснело, все инспектора уже совсем забалдели. Тут вижу, Дед так выразительно на мой кнут посмотрел и глазами на одну из розовых ленточек показал. Цыпленочек этот красивый был. Лет 12-13, с темной длинной косой. А волосики под животом почему-то светлые, редкие. Ноги она развела так, что причиндалы совсем наружу выпирали. Короче, раскрытые были совсем, и цвета даже не розового, а еще светлее. Сиськи только наливаясь стали. Сосочки острые, как иголки, в стороны смотрят. Ну я сразу понял, что начальство от меня хочет. Приходилось уже. Так что одной рукой ее за косу схватил, голову еще ближе придвинул, спрашиваю: «Целкой надоело быть? Хочешь бабой стать?» Как капо перевела, она сразу: «Так точно», - и только покраснела.

Тогда я офицерам: «Вот пленка нетронутая, а вот одни лохмотья», - и второй рукой кнут одним толчком - прямо в щелку. Кнут там и оставил, пусть торчит, а ленточку сразу с нее содрал. Уже не положено. Курочка, как я ее протыкал, чуть дернулась, губу закусил. Но ни звука. А инспектор в штатском от неожиданности громко так выдохнул и тихо говорит: «Зачем же? Разве так надо девственности лишать?». Дед сразу на это головой капо кивает. Та в ответ чеканит просто:

«Разрешите доложить. У нас много таких, сами видите. Извольте выбрать, сколько хотите. Чтоб отдельно их осмотреть. Имеется специальное помещение». А Дед добавил: «С ними что угодно можно делать. Их у нас несчетно».

Выбрали офицеры для себя бабье: инспекторы по 2-3 на каждого, а наши по одной - и без того все мы в лагере сытые ходили. Отобрали самых красивых. Правда ту, у которой клитор большой, тоже взяли, а она не очень была. Капо велела им слезть с нар и стоя себя показать. Те сразу вскочили, ноги в стороны расставили, руки к грудям, покачивают ими, улыбаются. Довольные, понимаете, что на них выбор пал. Надеялись, должно быть в личные рабыни попасть [привилегии «личных рабынь» подробно описаны в допросе Греты Вильке (фигурант 4) - пер.]. Пошли было, но вдруг штатский инспектор к капо оборачивается: «А может мы и тебя хотим там осмотреть?». Та сразу: «Так точно. Прикажете снять?» - и сразу балахон с себя сдергивает. Она уж старая, лет 40. Так что виду нее был не чета отобраным. Буфера хоть и большие, но провисать начали. На животе складки. Правда, ноги еще ничего. Зачем такая им понадобилась, не знаю.

Меня с собой не взяли, так и пошли. Только Дед еще напоследок обернулся. Приказал через полчаса к ним в эту комнату Лошака привести.

С.: Кто это такой?

Д.: Шарфюрер из команды сортировки. У него, понимаете, член такой огромный был, словами не передать. Заключенных им так разорвать мог, что у них чуть изо рта не вылезал. Да и в этот раз тоже. Нас потом послали три трупа оттуда убирать. Среди них и ту, с клитором.

С.: Что-то вы слишком восторженно говорите об этом... Разве не понятно, что все эти показания могут быть использованы против вас? Расскажите лучше, что такое «велосипед». Мне кажется, это вам ближе.

Д.: Ну... это у нас в столовой для рядового состава установка такая. Там ведь у нас и официантки были. Вообще обслуга всякая. И в казармах тоже, уборщицы, например. И для личного использования. Так это бабье, понимаете, наказывать-то надо было. Если суп там прольет, или ноги не так задерет. Или, к примеру, делать что без удовольствия будет. Тогда ее в очередь на «велосипед» записывали. И все время как мы в столовой, на «велосипеде» кто-то крутился. Это - чтоб у рядовых какое-никакое развлечение

было. Вроде цирка, понимаете? Чтоб посмотреть было на что.

С.: Так все-таки, что это такое?

Д.: Понимаете, установка такая. Ну... от велосипеда-то там только педали, да цепная передача. Сиденье еще меньше велосипедного. Только чтоб зад немного в него упирался. И спинка длинная. Голую курочку к этому сиденью пристегивали. Она на спине лежала, почти горизонтально. Руки назад за шею, голова поэтому приподнята, буфера торчат. А ноги раздвигали, поднимали вверх и к педалям привязывали. Так что все, что у нее посерединке было, раскрывалось совсем, на нас смотрело. Тут пришлось весь pedalный узел переделать, ось нарастить.

Понимаете, на велосипеде педали ведь близко. Поэтому, если не нарастить, ноги в стороны не разведутся. Потом к соскам и клитору "крокодилы" прицеплялись и, через реостат с автоматическим управлением, - к электросети.

С.: Что такое "крокодилы"?

Д.: Зажимы такие, вроде прищепок для белья. Только металлические. И к ним провода припаяны.

С.: Хорошо, продолжайте.

Д.: Ну так вот, велосипедная цепь соединялась с кривошипом. А там два искусственных члена в цыпку вставлялись. Потолще - в женскую дырку, поуже - в задницу. Членов много было разных. Подбирали такие, понимаете, чтобы в нее с натягом влезали и до самого упора. Перед этим смазывали их, конечно. А наверху бачок был и насос, с членами соединялись. Обычно в бачок мыльный раствор наливался. Ну а если она уж очень провинилась - то чего поострее, разведенный уксус, например. Как она вращала педали, то члены по очереди в нее входили: большой-маленький, большой-маленький. А на каждом 20-м обороте немного жидкости из бачка через оба члена впрыскивалось.

С.: А электричество причем?

Д.: Так там, понимаете, два режима было. Первый, при вращении педалей, примерно 10-15 V. От этого у нее только пощипывало и балдела она. А если переставала крутить, то сразу 70-80 V ударило. И по нежным местам больно было. Так что опять должна была на педали нажимать.

С.: И зачем надо было так изощряться?

Д.: Так ведь, понимаете, зрелище какое было! Лежит голая цыпочка. Хозяйство все наружу, прямо у всех перед глазами. И наяривает педалями изо всех сил. Дырки ее членами раздираются. Все бабьи складки в движении, то внутрь вместе с приборами залезают, то наружу вытягиваются... Кончатъ самое большее уже через 5-10 минут начинает. Вначале еще сдерживаться пытается. Особенно, если из стеснительных. Покраснеет, что мы на ее причиндалы смотрим, губу закусит. Педали-то крутит, куда денется.

Но старается не забалдеть. А потом уж не до того ей. Извиваться вся начинает, членам сама подмахивает. Мычит, как корова недорезанная. Еще потрогать ее, когда кончает, интересно. Она ж в это время дергается, подвывает, глаза закатит. И так вспотела, что ручьями течет с нее. От балдежа, понимаете, не чувствует даже, если щипают ее. Только больше полутора часов никто из бабья не выдерживал. Сознание теряли и тогда никакие вольты не помогали. А иногда и прямиком на тот свет. Так что боялись они все в велосипедный список попасть...

С.: Откуда же это чудо техники?

Д.: Несколько человек из лагерных мастерских сделали. По распоряжению начальника

лагеря.

С.: Вы уходите от ответа. Кто это придумал? По чьей идее этот «велосипед» сделали?

Д.: «молчит»;

С.: Кто отвечал за то, чтобы «велосипед» всегда был в порядке, электрика в нем работала? Кто следил за правильной укладкой женщин на «велосипед»? Кто хвастался этим перед всеми и приглашал посмотреть на «велосипед» в действии?

Д.: «молчит»;

С.: А кого поэтому прозвали «Велогонщик»?

Д.: «молчит»;

С.: «Станок» тоже вы придумали? [Казарменные развлечения со «станком» описаны в допросе Айрин Вайсур (фигурант 6) - пер.]

Д.: «молчит»;

С.: Отвечайте на вопрос.

Д.: Да, я.

С.: Для тех же целей?

Д.: «молчит»;